Г/2287

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

381
922

Л. Троцкий

Фронтов нет, - опасность есть.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

100571
М
U 381/922

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. Троцкий.

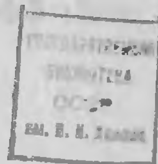
Фронтов нет,—опасность есть.

(Доклад на 9-м съезде Советов).

1922

XXII—1215

В. В. Р. С. № 46
Р. В. Ц. № 101.

Сокращение армии.

Товарищи делегаты, год тому назад, на 8-м Съезде Советов, вы постановили приступить к систематическому сокращению Красной армии и Красного флота. Вы предуказали в общих чертах направление и темп этого сокращения. По тем расчетам, которые вы одобрили в прошлом году, мы должны были сократить Красную армию так, чтобы к середине истекающего теперь года она составляла бы не более половины того, чем она была год тому назад перед 8-м Съездом Советов. Я докладывал уже в прошлом году, что в момент своего наивысшего численного развития Красная армия достигла 5 миллионов 300 тыс. человек. Сокращение вдвое означало сведение ее приблизительно до 2 миллионов 700 тысяч человек. Международная обстановка и потребность облегчения военной ноши для трудящихся Советской Федерации заставили усугубить эту программу сокращения Красной армии. В настоящее время те законные рамки, в которые укладывается Красная армия вместе с Красным флотом, вместе с частями внутреннего назначения и всевобучем, выражаются в количестве 1 милл. 595 тыс. душ. Если отвести флот, крайне у нас немногочисленный по личному составу, и если исключить части местного и специального назначения, если отвести этапные пункты, если взять армию в собственном смысле слова, то мы получаем уже сейчас не более 1 милл. 370 тыс. душ. Другими словами, армия сократилась более, чем втрое.

Эта работа сокращения была не легка. Многие из вас, делегаты армии, знают это не хуже меня. Это работа незаметная, в ней не было героических эпизодов, привлекающих к себе внимание всей страны, но это работа величайшего напряжения всех нервов военного организма.

Мы старались, чтобы сокращение как можно меньше ударило по активной части армии, по ее дивизиям и полкам. Сокращение так называемых тылов было произведено на 70%. В результате, нынешняя армия насчитывает, примерно, 34%, приходящихся на центральные и местные учреждения, и около 66% на активную часть. Соотношение гораздо более благоприятное, чем было год тому назад. Передвижку от тылов к активной части мы произвели за этот год на 13%.

То, что было военной тайной,—общая численность армии и общие формальные рамки ее, то теперь, с переходом на мирное положение, перестает быть военной тайной. Сейчас наша армия мирного времени заключает в своем составе, в переводе на бригадную единицу, 95 стрелковых бригад и 49 конных. Это—те общие рамки численного строения нашей армии, которые я считаю и возможным, и необходимым дать, и полагаю, что если Съезд Советов теперь найдет нужным узнать более детально структуру армии, он найдет для этого свои пути.

Сокращение армии означало удаление из ее состава старших возрастов. Мы начали с родившихся в 1885 году и более старых годов, которые были мобилизованы частично. Затем мы перешли к 1886 году, 1887 и 1888 г.г., и в результате в течение этого года демобилизовали 13 полных возрастов, от 86 до 98 г.г. включительно. В армии сейчас у нас три возраста: 1899, 1900 и 1901 г.г. 13 возрастов, не считая мобилизованных частично, освобождены. 3 возраста остаются в армии, не считая специалистов, не считая тех красноармейцев, которые связаны с более квалифицированной работой армии.

Вопрос об отпуске 1899 г. стоял на очереди. Укомплектование армии в численном отношении было бы возможно из двух годов, но те тревожные обстоятельства, о которых будет еще речь впереди и которые требуют величайшей бдительности Красной армии, заставили приостановить дальнейшее увольнение в бессрочный отпуск, чтобы придать армии максимальную устойчивость и сохранить, в рамках указанной численности, в ее составе 1899 год, как наиболее опытный и обученный.

Процесс сокращения был процессом сжатия и процессом труднейшей реорганизации.

Процесс демобилизации армии есть болезненная операция, означающая потерю крови и неизбежное временное ослабление организма. Эта операция ныне вчерне закончена. От вас зависит приказать сокращать армию дальше или остановиться на том числе, которого мы достигли. Но если вы спросите нас, военное ведомство, то я думаю, что я выражу мнение и всех делегатов армии, здесь находящихся, если скажу, что армия сейчас мечтает больше всего о том, чтобы процесс реорганизации был закончен, чтобы получить устойчивость, твердость, прочные штаты и чтобы взяться вплотную за повседневную работу подготовки и обучения. (Аплодисменты).

Улучшение быта армии.

Если мы оглянемся на этот год напряженной демобилизации и спросим себя, как жила Красная армия, то я скажу, что она жила тяжело. Природе нашей политики соответствует говорить правду, не прикрашивая ни на каких и прежде всего на таких высоко авторитетных Законодательных Собраниях, как настоящее, голос которого разносится по всему миру. Да, армия наша в истекший год жила тяжело. Она жила тяжело потому, что ее аппарат, в том числе аппарат довольствующий, был ослаблен непрерывным потоком демобилизации. Армия жила тяжело потому, что материальная демобилизация неизбежно влечет за собою демобилизационные духовные настроения в стране. Мы были свидетелями этого неизбежного временного состояния, когда общественное внимание нашей страны переставало пристально приглядываться к нуждам и потребностям армии, которая, закончив свою очередную работу, переходила на оседлые квартиры и непрерывно сокращалась.

В области продовольствия, в вопросе квартирном, в вопросе топлива, тесно связанном с квартирным вопросом, в области вещевой наша армия в этот год терпела тяжелые лишения, тем более тяжелые, что ее собственное внимание раздваивалось между теми, кого она отпускала по

домам, и между теми, кого она сохраняла в своих рядах. И сейчас, когда мы сократили армию втрое, основная задача—и это, я надеюсь, Съезд закрепит в сознании каждого из нас,—состоит в том, чтобы полностью обеспечить армии снабжение, без которого она не может в полном объеме проводить свою подготовительную работу. Надо сделать казарму более уютной, надо сделать ее, прежде всего, чистой, светлой и теплой. И мы просим, чтобы Сьезд Советов приказал, при нашей бедности, которая известна всем, дать все же немного больше уюта, тепла и света нашим молодым красноармейцам. (Аплодисменты). И надо учиться прежде всего, ибо армия состоит ныне из трех младших возрастов. Их еле задели испытания гражданской войны и в своей массе они нуждаются в обучении и воспитании.

Тот факт, что армия состоит ныне только из трех возрастов, в основе своей является огромным преимуществом, ибо обеспечивает ей однородность настроения, однородность переживаний, однородность военной школы. Но это также и минус с точки зрения предшествующей военной подготовки, и этот минус нужно наверстать. Наверстать его можно только при помощи напряженной работы руководящего состава нашей армии,—ее командного и комиссарского персонала.

Командный состав.

Сокращение армии не внесло каких-либо резких перемен в наш командный состав. Он попрежнему ведет свое происхождение из разных источников. Тут и рабочие и крестьяне, поднявшиеся в пылу гражданской войны с низов без всякого военного обучения; тут и бывшие унтер-офицеры старой царской армии, тут рабочие и крестьяне, прошедшие наши современные военные школы, тут и старые кадровые офицеры царской армии, бывшие военные чиновники и, наконец, в довольно высоком проценте, офицеры военного времени той же царской армии.

Я приведу вам примерное соотношение этих основных групп. Без военного образования,—а мы считали здесь

командиров не с отделения, а со взвода, т.-е. по старому понятию „офицеров"—без военного образования у нас 43,4% всего командного состава. Так было осенью—в сентябре и октябре. Процент огромный, который какому-либо квалифицированному военному иностранцу может дать представление о нашей армии, как об армии слабой, как об армии в военном смысле невежественной; мы же с вами, знающие нашу армию, ее сильные и слабые стороны, говорим: у этих 43,4%, не прошедших никакого военного образования, есть нехватки. Мы их знаем прекрасно, но это—ядро, это—основа нашего командного состава. Это—подлинные красные офицеры революции, это—подлинные представители ее духа. Они вышли из завода, они вышли из деревни, которым угрожала колчаковщина и деникинщина. Они вели других еще менее опытных, еще менее знающих, чем они сами. Они в боях этот опыт приобрели. И это—тот командный состав, на котором мы строим. Мы создаем для них повторительные курсы, они восполняют на курсах пробелы своего формального военного образования; мы надеемся провести большинство наших „самодельных" командиров через эти курсы в течение ближайшей зимы.

Бывших унтер-офицеров у нас—13%, т.-е. слишком мало. Мы слишком сильно растеряли этот драгоценный материал. Нужно будет снова приложить руки к тому, чтобы его подобрать и включить в наш командный состав.

Красных командиров, прошедших советскую военную школу, у нас около 10%.

Итого этих трех категорий, наиболее демократических, наиболее низовых—66,3%, т.-е. две трети. Офицеров военного времени старой армии 22,1%, военных чиновников—6%, кадровых офицеров—5,6%. Итого 33,7%.

Товарищи, я привел эти категории не для того, чтобы противопоставлять их друг другу. Я сказал, что ничего бы не сделала Красная армия, если бы не было в ней этой драгоценной закваски—неквалифицированных в военном смысле, но высоко-квалифицированных в боевом смысле рабочих и крестьянских красных офицеров. Но та армия, которая перед нами живет и готова бороться сегодня, она в своем котле расплавила разный человеческий

материал—путем приливов и отливов, путем трагических испытаний, даже отдельных и групповых измен и жестоких кар за эти измены, путем противопоставления Красной армии другим армиям и правды Красной армии—лжи других армий... Мы отобрали и закрепили командный состав из различных источников. Но это теперь в массе своей единый командный состав. Эти 5,6% старого кадрового офицерства занимают свое место в общем строении нашей армии, и они нам нужны. И они понимают и знают, что мы их ценим. И они сами многому научились. Я позволю себе привести здесь отзыв одного из кадровых офицеров старой школы, который занимал до Советской власти очень высокий пост. Это бывший военный министр правительства Керенского, тогда генерал-майор Верховский, который в своей книжке „О задачах военно-учебных заведений"—он занимает одно из ответственных мест в организации наших военно-учебных заведений—пишет:

„Наиболее серьезным движущим мотивом в борьбе, нами пережитой, было стремление рабочих и крестьян отстоять свою жизнь и достаток, а также достигнутое во время революции положение и захваченную землю от покушений старых свергнутых классов. Это основание, которое вело на борьбу массы. Лучшие передовые, наиболее идеалистически настроенные люди, шли во имя идеи в борьбе за социализм, за новый мир освобожденного труда, и энтузиазм этих людей был организующей силой, вокруг которых сплотилось все сопротивление республик силам контр-революции.

Это создало ту волю к победе, которая сковала Красную армию, и несмотря на страшно тяжелые лишения, несмотря на поражения, завершило борьбу крупно-исторической победой".

Может быть, из нас многие сказали бы это другими словами, сказали бы это иначе, но ясно, что здесь устами или пером Верховского говорит, можно сказать с уверенностью, почти весь наш старый кадровый командный состав, который растворился в армии и составляет ее необходимую составную часть.

Если мы возьмем командный состав по его социальному происхождению, то картина в общем повторится.

Сейчас крестьян у нас,—слушайте, товарищи делегаты-крестьяне, и расскажите это в деревнях,—крестьян среди нашего красного офицерства 67,3%. (Аплодисменты). Рабочих—12%, их много у нас вернула к себе промышленность и советские учреждения, и прочих—около 20%. Рабочих и крестьян вместе у нас в командном составе 80%.

Позвольте еще затронуть здесь вопрос, который имеет значение и для Съезда Советов, и притом не последнее значение, ибо он касается роли в командном составе той партии, которая занимает у нас руководящее политическое положение в стране. По неточным сведениям, у нас до чистки, до последнего сжатия партии, путем устранения тех элементов, которые, по мнению партии, не могут в ней иметь место—около 20% командного состава приходилось на долю коммунистов. Теперь менее 20%. Что касается числа коммунистов во всей армии, не только в командном составе, то оно составляет теперь менее 10%. Эти цифры имеют очень крупное значение. Что они говорят? Коммунистическая партия, которой рабочие и крестьяне вверяют руководство в нашей стране, является воплощением исторического политического опыта трудящихся масс. Но цифры, вместе с тем, показывают, что партия вовсе не является вместилищем всего военного, технического, хозяйственного, производственного и торгового опыта трудящихся масс. Партия, как партия, доверием трудящихся сохраняет политическое руководство. Но где дело касается командования, там коммунисты-командиры рука об руку с беспартийными командирами, делают одно и то же дело. Партии вверена трудящимся массами революционная монополия руководства нашим государством среди рифов и отмелей труднейшей обстановки. Но партия вовсе не претендует, не может и не хочет претендовать на монополию военного, технического, научного и всякого другого руководства. Этот вопрос для нас тем важнее,—я его открыто поднимаю здесь,—что партия, которая есть добровольный союз единомышленников, в течение последних месяцев устранила из своих рядов довольно большое число лиц командного состава. О тех, кто устранен за поступки, несовместимые с гражданской честью, говорить

не буду. На них ставим крест. Но не мало устранено потому, что партия нашла, что по своей психологии, по своему воспитанию и по своим навыкам мысли они не подходят к жизни нашего партийного коллектива. Партия сказала им: вы безусловно честные революционные воины, но вы не можете требовать для себя права влиять на нашу партийную программу и на нашу тактику, ибо все прошлое не подготовило вас для этого. И таких командиров, которым партия сказала, что она не может сохранить их в своей среде, но которым ни она, ни власть, ею руководимая, не отказали в праве на уважение и на ответственные посты, таких командиров немало. И мы должны им сказать, что факт устранения их из партии, разумеется, лишает их партийных прав до тех пор, пока они—путем внутреннего усилия, перевоспитания, сближения с трудящимися массами, изучения и работы над собой, если они найдут это нужным,—не побудят партию открыть им снова свои двери. Но поскольку партия и Советская власть не нашли в их поведении ничего несовместимого с достоинством революционного воина, постольку эти командиры, ставшие вне партии, вместе с беспартийным командным составом вообще будут и впредь пользоваться всем необходимым командным авторитетом при поддержке органов Советской власти и—скажу—не в последнем счете и при поддержке всей коммунистической партии.

Военно-учебные заведения.

Обновление командного состава требует развития сети военно-учебных заведений. На эту сторону мы обратили величайшее внимание. Но именно эта работа, как и работа самого командного состава, требует прежде всего минимума материального благополучия, который дает возможность прилагать свои силы на трудном и ответственном деле обучения других и изучения военного дела. Товарищи, я говорил, что нам нужно улучшить материальное положение армии, и нам нужно и должно улучшить очень тяжкое положение нашего командного, комиссарского и административно-хозяйственного состава. Военные делегаты это

знают прекрасно. Если спросят, почему я выделяю этот вопрос о командном составе—молодой красноармеец может, имеет право поставить этот вопрос, а враждебная нам иностранная печать пытается играть на этом вопросе,—то я отвечу: у нас армия—самая демократическая, какая когда-либо была в мире и лучшее доказательство этому—13,4% командного состава, выдвинутые самой массой стихийно, и $^2/_3$ командного состава, вышедшие из низов. Но есть разница между положением красноармейца-рядового и положением красноармейца-командира: один в армии временно (а мы должны притти к определенному сроку его службы, как только установим более точно численный состав и ежегодный контингент—мы к этому уже идем), а другой—профессионал, специалист своего дела, и мы хотим, чтобы он всю свою жизнь или по крайней мере лучшую часть своей жизни отдавал армии. Стало-быть, в одном случае временная военная повинность, в другом—постоянная профессия, которая должна дать возможность работать и содержать семью. Вот почему вопрос об элементарнейшем и скромнейшем обеспечении командного состава является важнейшим вопросом, наряду с вопросом о материальном обеспечении военно-учебных заведений, которые должны стать источником постоянного оплодотворения, одухотворения нашей молодой армии.

Наша сеть военно-учебных заведений имеет 3 слоя: нормальную школу первой ступени, которая должна нам дать молодого, подготовленного командира в результате 4 лет изучения пехотного дела.

Мы хотим достигнуть того,—мы к этому идем и в ближайшее время надеемся притти,—чтобы каждый красный командир, сойдя со школьной скамьи, начал свою командную работу не со взвода, а с отделения. Таким образом мы имеем в виду постепенно свести на-нет ту старую градацию, в силу которой командиром отделения был унтер-офицер, карьера которого на этом и останавливалась, тогда как офицер начинался только с командира взвода. Весь характер, вся природа нашей армии противоречат этому искусственному водоразделу. У нас маршал революции начинается с красноармейца, и в нашей армии нет никаких непроницаемых перегородок. Весь вопрос

только в достаточном развитии сети военно-учебных заведений. В ближайшем марте наши военно-учебные заведения потребуют от рабочих и крестьян новых слоев, новых групп молодых курсантов. Мы просим, мы настаиваем,—и я думаю, вся страна этого требует,—чтобы местные учреждения и все организации трудящихся позаботились о том, чтобы в наши военно-учебные заведения вошел цвет молодежи рабочих и крестьян.

Вторая ступень военного обучения состоит из более узкого круга учебных заведений, которые подготовляют командиров более высокой формации. Третья—это наши военные академии. В этом году наша военная академия, бывшая академия генерального штаба, выпустила первую группу, первую сотню офицеров генерального штаба. Это—большое завоевание Красной армии, ибо создание молодого генерального штаба есть увенчание всего нашего строительства. Но, разумеется, мы этого увенчания еще далеко не достигли. Первая группа состоит из работников, которые честно дрались и честно учились, но у них есть, однако, еще много пробелов и прорех, и эти пробелы и прорехи будут восполняться на практике работы, и мы не сомневаемся, что им удастся выработать из себя тип законченного, всесторонне квалифицированного военного руководителя.

Одной из задач воспитания командного состава—не обучения, а воспитания,—является привитие нашим командирам психологии и сознания сынов руководящего, господствующего, правящего класса. Это не столь простая задача. Ваши сыновья, товарищи крестьяне и товарищи рабочие, являясь в военное учебное заведение, не приносят с собой того духа, который был свойствен сыновьям дворянства и буржуазии, которые, являясь из своих эксплоататорских семей, приносили в школу твердое убеждение, что они должны властвовать, руководить, командовать, приказывать и побеждать. Там это все было на основе эксплоатации и гнета, но выраставший на этом дух властвования помогал им держать армию в своих руках. Наша армия основана на революционной самодеятельности трудящихся масс. И командному составу нашей армии, которая вела и будет вести борьбу с суровым врагом, нашему молодому командному составу надо воспитать в себе, претворить в свою кровь, суровое убеждение в том, что рабочий класс стоит в нашей стране у власти непоколебимо, что он построил себе армию для борьбы не на жизнь, а на смерть, и что никто другой этой власти в руки не возьмет, что сломлена будет всякая сила, которая вздумает покуситься на неприкосновенность власти трудящихся в этой стране. (Аплодисменты). И с этим вопросом связан психологический вопрос—о черте излишней доброты, я бы сказал, иногда простоватой доброты рабочего человека. Офицер правящего класса знал, что, когда идет борьба с врагом, надо доводить борьбу до конца. Никогда не считай врага слабым! Слабый враг плюс твои ошибки могут дать в результате сильного врага. Большой враг или малый—отнесись к нему со всем вниманием, не упускай из виду никакой мелочи, и, когда борьба началась,—доводи ее до конца. Частный успех,—а тут-то и есть слабая сторона нашего низшего командного состава,—частный успех никогда не должен усыплять и останавливать, как это бывает нередко. Откуда это у нас? Это от добродушия рабочего человека, пролетария и крестьянина. Нам же надо воспитать рабоче-крестьянский командный состав, который, повторяю, претворит в кровь свою убеждение, что раз враг бросил вызов, и борьба началась,—доведи ее до конца. Если есть частный успех, напрягай силы вдвое, успех будет вдвое, бей втрое, доводи до конца, до полной победы, до полного сокрушения врага! (Аплодисменты).

Страна ближе знакомится с армией.

Обучение и воспитание нашей армии приобретает сейчас непривычный для нас характер, благодаря нашему переходу на оседлые квартиры, благодаря тому, что мы получим впервые возможность свести Красную армию и страну лицом к лицу. Товарищи делегаты, вы приветствовали нашу армию не раз у себя в губерниях, на годовых Съездах, после ее побед и испытаний, также и после ее поражений, ибо связь ваша с нею не прерыва-

лась никогда. Но, если мы спросим, знаете ли вы вашу армию, мы должны ответить: нет, вы ее не знаете. Вы немного знаете конную армию. Почему? Потому, что конная армия, эта драгоценнейшая часть нашей армии, была одна, и она закрепила на себе ваше внимание. Вы об ней знали. Но вы почти не знали пехоты. Вся наша армия не была создана в мирное время, когда полки открыто занимают известные квартиры, имеют свои номера и наименования. Наша армия строилась в боях, военная тайна скрывала ее от вас, вы читали в военных сообщениях о том, что такой-то N полк, или N дивизия имели такой-то успех или такую-то неудачу. Теперь армия временно возвращается „домой“. Она прикрепляется к местным Советам, к рабочим организациям, к губерниям и городам. Армия наша от анонимности, от неизвестности переходит в полосу яркого света. Она будет под стеклянным колпаком. Мы будем знать наши дивизии, бригады и полки,—вы будете их знать и будете за ними следить, и, если для конной армии постоянным возбудителем ее энергии является тот факт, что страна знает ее и следит за нею, то не меньшим возбудителем энергии для всех частей нашей Красной армии будет тот факт, что местные Советы и вся Советская Республика будут о них знать. Отныне наша Красная армия в целом и каждая ее дивизия, и каждый из ее полков смогут открыто записать свою краткую, но уже богатую и яркую историю. У нас есть не только армия, у нас уже есть традиции революционной армии. Эти традиции мы должны записать, закрепить и запечатлеть в сознании молодых красноармейцев. Та связь между дивизиями и местными Советами, пример которой дали Московский и Петроградский Советы, и которая теперь все шире распространяется по всей Советской земле, является в высокой степени важным и ценным явлением. У каждого полка должен быть свой шеф, но не личный шеф, а коллективный,—местный Совет или другие органы Советской власти, на основах теснейшей духовной и материальной связи

Техника.

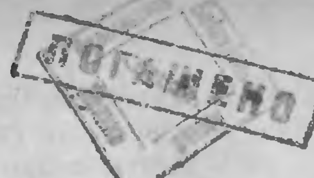
Вопрос о технике нашей армии есть труднейший вопрос. Наши враги на этом вопросе строили и строят главную часть своих надежд. Они знают про нас, что у нас необъятные пространства и необъятная численность, но слабая техника. И это верно. Техника армии в общем и целом отражает производственную технику страны. Но в то же время техника армии может в известных пределах опережать производственную технику страны, а раз может, то и должна. У нас сейчас наблюдаются только первые симптомы оживления нашего хозяйства. Мы не сомневаемся в том, что эти симптомы превратятся уже в ближайшие месяцы в бесспорные факты развития нашего хозяйства. Мы должны одновременно прилагать все силы к тому, чтобы строить нашу военную технику, чтобы обеспечить армию необходимыми орудиями борьбы. Прежде всего это относится к авиации. Нам необходима сильная авиация. Нам нужны броневые силы. Нам необходимо,—и вы это прикажете,—чтобы хозяйственные органы точнее подсчитали свои плюсы и минусы в области авиации, чтобы военное ведомство, с своей стороны, выдвинуло наиболее пригодные квалифицированные элементы для летного дела, чтобы армия получила авиацию, которая отвечала бы задачам и потребностям предстоящих испытаний.

Хозяйственная работа армии. Караульная служба.

Хозяйственная работа нашей армии потерпела крупнейшие изменения. В прошлом году самостоятельная хозяйственная работа армии занимала большое место. Теперь об этом не может быть и речи. Так называемые трудовые части—постановлением СТО—отсечены от Красной армии и переданы в Народный Комиссариат Труда и подлежат расформированию. Армия сократилась численно, и она должна быть, прежде всего, направлена на ту работу, для которой она существует, т.-е. на работу самоподготовки для охраны границ и независимости страны. Хозяйствен-

ное применение армии, помимо борьбы со стихийными бедствиями, как снежные заносы, половодье и проч., по необходимости ограничивается самообслуживанием, но и в деле самообслуживания применение трудовой силы красноармейцев допустимо в тех пределах, в каких это не нарушает задач обучения и воспитания. Есть две области, где армия выполняет важные, хотя и далеко не одинаковые хозяйственные функции: одна область—это область воспитания самой армии в духе хозяйственного, добросовестного, честного отношения к народному достоянию вообще и к тому народному достоянию, которое вручается Красной армии, в особенности. Точный учет, тщательный уход, чистка, починка, снова учет и снова уход—вот где хозяйственная работа Красной армии, как таковой. Вторая и главная хозяйственная роль Красной армии состоит в том, чтобы со штыком в руках охранять хозяйственную работу русских рабочих и крестьян от всяких покушений извне.

В мирное время важнейшую часть службы армии составляет ее караульная служба. Позвольте сказать об этом два слова. У нас роль часового, охраняющего учреждения, склады, достояние Республики, далеко еще не всегда и не везде понимается как должно—это есть результат неуложившихся и несложившихся отношений. Между тем, товарищи, если вы хотите—а вы этого хотите—иметь армию, которая сознает свое высокое призвание до конца уже в мирную эпоху, начинайте с караульного, начинайте с часового. Когда пензенский молодой крестьянин, 19-ти лет, стоит на часах, то, как говорит наш гарнизонный устав, он есть лицо неприкосновенное, он—выражение высшей воли нашего государства, и поэтому необходимо полное внимание к нему, он должен быть окружен атмосферой поддержки, уважения, чтобы он себя чувствовал в трудные часы несения караульной службы не просто рядовым Ивановым, а воплощением воли Рабочего Государства, которое он отстаивает с винтовкой в руках. (Аплодисменты).

ПОГАШЕНО

Красный флот.

Я бы, товарищи, мог многое из того, что сказал, распространить на наш Красный флот. Но у него есть также своя особая судьба, и я о ней скажу в нескольких словах. Судьба Красного флота глубоко трагична. У нас был за эти годы океан земли, и на этом сухопутном океане мы маневрировали. Мы наступали и отступали, мы строили Красную армию. Нам нехватало океана воды,—отрезали у нас эту воду. Флот наш оказался запертым в теснейших пределах. Вспомните, каким входил наш флот в октябрьскую революцию, сколько авангардных, наиболее мужественных, решительных борцов военные моряки дали из своих рядов,—много сухопутного командного состава, много рядовых борцов вышло из морской среды. И сколько их полегло на всех фронтах нашей гражданской войны! Они дали во всех частях страны превосходных работников Советской власти. Флот ослабел, когда отрезали у него воду, когда замкнули его в тесные пределы, и когда руки контр-революции, прежде всего, опустились на это сложное военное орудие. И руками русской белогвардейщины, и руками иностранного империализма нашему флоту был нанесен ряд жестоких, беспощадных ударов. Нередко у наших военных моряков, у лучших из них, в душе говорит чувство горькой обиды на то, что флот как бы временно забыт,—говорят о Красной армии, но слишком мало, слишком редко, говорят и думают о Красном флоте. Мы не будем здесь заниматься пророчествами. Мы не знаем, как пойдет мировая история, и мы не знаем, в какую сторону и когда потекут ее океаны и моря. Но мы знаем одно, что нам нужно сохранить человеческое и техническое ядро нашего флота для обороны наших берегов. Возрождение флота в этих оборонительных пределах есть сложная задача. Она может и должна быть разрешена на основе возрождения хозяйства страны в целом. Я здесь повторяю то, что сказал о технике Красной армии. Советская власть должна будет приложить все силы к тому, чтобы сохранить и укрепить основное человеческое ядро Красного флота и вооружить его в необходимых пределах техникой

для охраны морских подступов к Советской Федерации. В этих пределах (не сомневается никто)—флот выполнит свою ответственную задачу.

Всевобуч.

У нас есть важный орган армии,—орган всеобщего военного обучения. Мы ожидали перехода более быстрого и прямого к милиционной системе. Этого не получилось. Переход оказался более медленным, в силу всей мировой обстановки. Сокращение армии тяжело ударило по Всевобучу. Но, товарищи, Всевобучу в принципе вручена огромная задача, которая будет развиваться—это допризывная подготовка молодых поколений. Это—развитие путей для перехода к милиционной системе. Это—развитие в стране спорта, в связи с военным делом и в связи с трудом. И мы скажем товарищам Всевобуча: „Сейчас в трудных условиях вы переживаете черные дни, но дайте стране чуть-чуть свободнее вздохнуть, дайте получить чуть-чуть больше материального благополучия, и Всевобуч разовьет огромную военно-воспитательную работу в стране“.

Бандитизм и новая экономическая политика.

Применению Красной армии в деле охраны революционного порядка или борьбы с контр-революционным бандитизмом я должен посвятить значительную часть своего изложения. Я перехожу таким образом к той части моего доклада, которая тесно связана с внутренней политической и экономической жизнью страны. Первое полугодие отчетного года было временем небывалого развития бандитизма. Год открылся Кронштадтом, Тамбовом, бандитскими движениями в Сибири, на Кавказе, в Закавказье, на Украине. Второе полугодие отчетного года внесло радикальное, коренное изменение в эту обстановку. Сейчас, разумеется, кое-где остаются еще бандитские шайки, но именно шайки. Бандитизм, как широкое социальное явление, как вооруженные отряды широких кулацких и отчасти

ередняцких масс в разных районах, отошел в прошлое. мы наблюдаем во всех частях страны. Стало быть, нечто большее, чем заслуга военного ведомства. целый социально-политический перелом, и это тесно связано с переломом нашей хозяйственной политики. Если бы у нас здесь шло сейчас обсуждение вопроса о нашей экономической политике, если бы под углом рения моего доклада мне поставили вопрос: наша новая зяйственная политика означает ли плюс или минус, шаг перед или шаг назад, движение к коммунизму или отступление? Если бы спросили: чем была наша прошлая ономическая политика, ошибкой или необходимостью? (На этот счет можно формулировать очень большое количество очень замысловатых, очень заковыристых вопросов). На это я сказал бы: у нас на заре этого года был Кронштадт и Тамбов, а теперь их нет и, мы уверены, что не будет. Есть ли экономическая политика шаг вперед или шаг назад? Ликвидация бандитизма не только военная, и политическая его ликвидация, есть самое яркое, са... отчетливое, непосредственное, военно-заостренное доказательство того, что наша военная политика есть огромный шаг вперед. Правда, можно сказать, что, по сравнению с идеей всепланового всесоциалистического всестроительства, во всех концах и областях, на каждом квадратном вершке нашей территории, наша новая экономическая литика есть шаг назад. Но по сравнению с Кронштадтом и Тамбовом это есть огромный шаг вперед. Была ли тарая политика ошибкой и в каких пределах? Это вопрос ейчас академический, на который можно предоставить тветить историку. Но что Советская власть правильно и воевременно переменила политику, когда это ярко и отчетливо потребовалось самой обстановкой, что она создала тим новую лучшую атмосферу в самой Красной армии. новые отношения в ней, это—факт, и на этом факте мы ыне строим.

История нашего бандитизма—это история контр-революции,—помещичьей и буржуазной. Бандитизм—это ее выражение и орудие. История бандитизма—это история ее отступления от московского сердца к окраинам. Но отступая к окраинам, бандитизм долгое время оставался обшир-

ным движением деревенских верхов и отчасти городского мещанства, и это особенно относится к Украине. Петлюровщина на Украине началась как национально-демократическое движение. В дальнейшем она выродилась в вооруженные отряды кулацких верхов и под конец она раздробилась и превратилась в банды и шайки, которые потеряли опору даже у верхов украинской деревни и теперь должны иметь свои базы за границей Украины, больше всего в Польше и Румынии.

Бандитские шайки и иностранный капитал.

Возьмем „классический“, с позволения сказать, бандитизм—именно, украинскую махновщину. В мои руки попал только вчера чрезвычайно интересный документ. Должен сказать, что, благодаря разложению среди эмиграции всех оттенков, мы получаем необъятное количество документов, исходящих от всех этих русских министерств украинских министерств,—они проживают на разных улицах Парижа, Праги, Вены, Берлина и проч., и проч., сносятся друг с другом, излагают свои планы, „государственные соображения“ и пр., и пр. (Смех). По обязанностям службы наше разведывательное управление должно их размножать в довольно большом количестве экземпляров, что тяжело ложится на нас при нашей бумажной бедности, которую вы знаете. (Смех). И вот один из таких документов—(я боюсь ошибиться) это... петлюровский департамент иностранных сношений. (Смех). Прошу не думать, что я ошибся, это учреждение так и называется: „департамент иностранных сношений“. Я не могу сказать точно его адреса. Кто любопытствует, может это узнать в нашем разведывательном управлении. Этот департамент сообщает всем петлюровским посланникам (смех), во все центры Европы, о прибытии Махно и его банды в Румынию. Махно, как полагается в строго конституционном государстве, где вольности граждан и эмигрантов охраняются так, как они охраняются в классической стране свободы и конституции, в Румынии (смех) — встретил дружественный прием. Тут в докладе есть даже некоторые бытовые по-

әбности о том, как были проданы 6 чистокровных лоней, уведенных, разумеется, из Украины, на то, чтобы доставить Махно возможность безбедного существования Бухаресте. И вот он является в этот самый „департамент иностранных сношений“ петлюровского правительства. его подвергают опросу о том, что делается на Украине. умеется, он сперва отвечает в терминах преувеличенного ственного достоинства, но затем доклад говорит буквально ледующее: „путем систематических выпытываний, судьба ахно представляется в таком виде: потеряв свое значение на Украине, после поражения Врангеля, махновская ганизация начала искать себе союзников. С этой целью значительными своими отрядами перекинулась на Дон убедилась, что и на Дону нет значительных антиьшевистских сил и никакой помощи в борьбе с большевиками Дон дать не может. После этого они двинулись восток для того, чтобы войти в контакт с Антоновым, и там нашли то же самое, что и на Дону и на Украине. да они направились на Курск, где тоже убедились, антибольшевистские силы незначительны и разбиты“. должен сказать, что несколькими строками раньше д говорит, что все значение махновщины состояло в что Махно использовал борьбу Врангеля с Советской стью и только в целях этой борьбы мог играть известо роль.

После этого,—продолжает доклад,—махновцы попыись переправиться в Польшу, но так как боялись, что асные перережут им дорогу, то направились в Румынию, тоже считали себя в безопасности, и в этом они не ıблись, ибо по отношению к русским контр-революнным бандам Польша и Румыния только две разные наты одной и той же квартиры (смех).

У нас есть, товарищи, другой доклад о деятельности ы которые время от времени выбрасываются на нашу рриторию. Речь идет о „Черноморском комитете спасея России“. (Россию спасают и на Черном море!). Во главе го комитета стоят социалисты-революционеры. Разоблания, которые имеют несомненное политическое значение. вали что так называемое черноморское крестьянское лчение, руководимое черномор. ком. спасения России.

финансируется армянскими и русскими промышленниками, за спиной которых стоят две группы: одна (мы можем их точно указать)—английская и другая—итальянская: английские нефтепромышленники и итальянские марганцепромышленники. Они, как видите, „заинтересованы“ кровно в судьбах кавказской и закавказской демократии! Итальянские торговцы марганцем и английские ценители бакинской нефти,—они имеют свою боевую агентуру в спасательном комитете, созданном эсерами. Деятельность эсеров выражается в организации оголтелых банд, вооруженных на деньги итальянских и американских промышленников, избивающих русское население и разрушающих русские железные дороги. (Крики: Позор!).

Рыцарям Второго Интернационала.

Вот живая реальность, и в свете этой реальности я вспоминаю, что английские социалисты из 2-го Интернационала в роде гражданина Гендерсона и некоторых других, ветром подбитых демократов, хотя и пишут теперь в своих изданиях о необходимости юридического признания Советской власти (до каких страшных исторических высот эти люди поднялись!), но в то же время ставят свои условия: пусть-де Советская власть уведет свои войска из Грузии, пусть она даст свободу самоопределения грузинскому народу, и тогда уважение к ней со стороны демократии всего мира поднимется до юридического признания Советской власти в России. Великолепно, г.г. социалисты 2-го Интернационала, граждане Гендерсоны, подбитые ветром и другими легкими материями демократы, а позвольте вас спросить: ну, а что, если мы уберем красные войска, которые, кстати сказать, живут душа в душу с рабочими и крестьянами Грузии (аплодисменты): если, допустим, грузинские рабочие и крестьяне сказали бы что они согласны, чтобы мы убрали красные войска—даст ли нам в этом случае уважаемая демократия гарантии в том, что английские нефтепромышленники и итальянские марганцепромышленники не утвердят в Тифлисе и Баку власть комитета спасения бакинской нефти от азербейджанских рабочих? Вот вопрос! Они требуют пустяков: они требуют разоружения Закавказья, а между тем тот самый доклад, который я вам цитировал, говорит, что в Праге (один из центров, где делается „русская“ политика), в эмигрантских кругах Праги величайшим достижением считается факт, что Черноморский комитет спасения России заключил, наконец, соглашение с грузинским повстанческим комитетом для захвата Тифлиса. Черноморский комитет спасения России, т.-е. эсеровская агентура английских нефтепромышленников и итальянских марганцепромышленников заключает соглашение с их грузинской меньшевистской агентурой. Если бы мы были так наивны, чтобы верить в подбитые ветром доводы этой самой лжедемократии и убрали бы наши войска, если бы этого потребовали грузинские рабочие, то через Батум явились бы так же, как японцы явились через Владивосток (англичане хорошо знают морские пути, они хорошие географы), через Батум явились бы в эсеровском и меньшевистском или открыто монархическом облачении элементы, которые проложили бы иностранному захвату дорогу дальше на восток, к Баку.

Мы можем сказать 2-му Интернационалу: если вы хотите проверить могущество принципов демократии, так вы немножко отвратите ваши глаза от Закавказья и поглядите на Дальний Восток. У нас там тоже имеется республика,—вполне демократическая, где правительство выбрано на основе общего, равного, прямого, тайного избирательного права. Английское правительство заключило на-днях важнейшее соглашение с Японией, а Япония только третьего дня через посредство своих военных агентов, каппелевцев, забрала у нас Хабаровск. Хабаровск пал. Пал город в демократической республике под натиском монархических банд, вооруженных против демократии на средства иноземного империализма. Но, товарищи прежде, чем сказать об этом подробнее, я должен остановиться на примере, который поближе.

Польша и бандитизм.

Я указал уже, что по мере того, как бандитизм, гонимый переломом внутренней политики, направленной к установлению более правильных отношений между рабочим классом и крестьянством, отступал к окраинам,—настал момент, когда бандитизм перешел за наши границы. Я мимоходом уже указал, что он перешел, главным образом, в две страны, которые вам всем достаточно известны. И если бы меня спросили, попытавшись застигнуть врасплох, почему мы не можем сокращать Красную армию, я бы указал, товарищи, вот на помещенную здесь схему [1]. Эту схему можно назвать по-разному: можно ее назвать русско-польскими или советско-польскими отношениями, ее можно назвать „Рижский договор в действии“, можно ее назвать „Торжество международного права“ и еще можно ее назвать „Защита западной цивилизации от Советского варварства“. (Аплодисменты). Эта красная черта на карте, это наша граница с Польшей, установленная по Рижскому миру. Эта пунктирная красная линия—граница, отделяющая нас от захваченной у нас Бессарабии. Рижский мир был подписан 18 марта 1921 г., вот это (показывает на карту) его история. Я не знаю, достаточно ли она ярко здесь нанесена, достаточно ли видны, особенно далеко сидящим, эти стрелки,—я думаю, следовало бы эти невинные стрелки нарисовать поярче, поплотнее, так, чтобы они были видны во всех без исключения ложах этого зала. (Продолжительные аплодисменты). Эти стрелки разных цветов, но они имеют один и тот же смысл. Это банды, которые отсюда, из Польши (показывает по карте), направлялись сюда, через нашу границу. Эти стрелки разных цветов, потому что они относятся к разным срокам, но не потому, что они разного качества. Они одного и того же качества, а именно фабричной марки 2-го отдела польского генерального штаба (голоса: позор!). Некоторые из них меньше, некоторые больше. Это, однако, не зависело от доброй или злой воли польского генерального штаба.

[1] См. схема № 1.

только от его силы. Он делал, что мог, чтобы перебросить на нашу территорию как можно больше банд, чтобы причинить нам как можно больше вреда.

Вот поглядите снова—это граница с Польшей по Рижскому договору 18 марта. Вы видите, товарищи, как она вся истыкана, изрезана этими стрелками. Это не шутка, не материал для фельетона,—эти систематически организуемые банды, которые нарушают нашу хозяйственную жизнь, наше строительство каждый месяц и каждую неделю. Некоторые стрелки подлиннее, похожи на ядовитых змей, некоторые, короче, похожи на пиявок. Все это направлено в тело русского народа, в русских рабочих и крестьян. (Голоса: позор!). Все это, видите ли, по Рижскому договору. Если развернуть книгу наших переговоров с Польшей после Рижского договора, я уже не говорю о наших попытках мира с Польшей до войны, до Рижского договора,—то этой книге не будут верить здравомыслящие люди по истечении некоторого периода времени, они скажут: не может быть, чтобы русские рабочие и крестьяне, хотя бы истощенные, хотя бы ослабленные, проявили такую невероятную выдержку, такую поразительную настойчивость в борьбе за то, чтобы отстоять мир, избежать кровавой войны. Вспомните все протесты Чичерина и Раковского по поводу савинского и булаковского бандитизма. Вспомните последний эпизод конца сентября, когда казалось, что действительно наверху, в Польше, во что бы то ни стало хотят воевать. Меня тогда Совнарком послал посмотреть, что делается у нашей западной границы, каковы наши войска. Выезжал и главнокомандующий—это было в сентябре, а 6 октября мы получаем благую весть от т. Карахана, нашего посла в Польше: новое соглашение с Домбским подписано, банд больше не будет, всех активных контр-революционных групп вышлют из Польши. Это было 6 октября. А 25—26 того же октября, из той же Польши, были брошены вот (показывает на карту)—самые длинные стрелки—самые большие банды.

Я говорю на съезде Советов, речи стенографируются, и я должен наложить на себя некоторое ограничение в выборе выражений. А это трудно, очень трудно...

Что же, товарищи, это значит? И можем ли мы жить в такой обстановке, когда нас постоянно подвергают набегам и ударам, можно сказать,—булавочным уколам? Но и булавочные уколы не такая невинная вещь. Медики скажут вам, что достаточно исколоть или изрезать часть кожи, чтобы обречь на гибель весь организм. Что же это такое, как не попытка под видом мира постоянно терзать, разрушать наружные покровы Советской России, чтобы такими мерами истощения довести нас до гибели? Я спрашиваю—можно ли в такой обстановке жить? Нельзя! И вот почему нам нужна Красная армия. (Бурные аплодисменты). И вот почему мы должны ее строить и укреплять!

Голоса с мест: Да здравствует Красная армия! (Долго несмолкаемые аплодисменты).

Румыния и бандитизм.

После этого остается немного сказать и о второй „комнате“ той же самой квартиры, о Румынии, с которой у нас провизорная (временная) граница. Мы пытались договориться о постоянной границе и постоянных отношениях, но нам это не удалось, потому что Румыния фактически сорвала переговоры, не желая соблюдать нейтралитет в случае нападения на нас другого государства. Через эту пунктирную линию румыны переправляют банды совершенно тем же способом, как поляки через эту сплошную линию, и притом в одни и те же сроки.

Появление последних тютюниковских банд на Украине было ликвидировано—они были разгромлены, отчасти отброшены назад. С точки зрения внутриполитической, самым важным фактом является то, что эти банды, последние банды Тютюника и Палия, не встретили решительно никакого сочувствия на месте, бродили окруженные пустотой и именно поэтому были в короткий срок ликвидированы, в большей своей части стерты в порошок. Кто стоит за этим, мы знаем: не только Польша и Румыния. Мы знаем, в конце концов, что второй отдел генерального штаба в Польше и штабы в Бендерах и Бухаресте являются только

передаточными инстанциями для французского империализма. На этот счет у нас сомнений нет. И те вести какие нам приносит телеграф о близких переговорах, которых мы долго ждали, которых мы ждем сейчас и на которые пойдем со всей готовностью, эти вести о близких переговорах насчет установления мира со включением Советской России станут для нас гораздо конкретнее и содержательнее с того момента, когда Франция перестанет субсидировать банды, нарушающие наш покой, наш труд, наши границы.

Дальний Восток.

Здесь, товарищи, я подхожу к вопросу, который имеет особенно актуальное значение,—к вопросу о Дальнем Востоке, где мы, повторяю, потеряли Хабаровск. Конечно, мы с вами временно теряли и затем крепко возвращали много городов, более важных, более крупных и более близких к Москве, чем Хабаровск,—но тут борьба имеет глубоко поучительный характер, не только для нас, но и для всего мирового рабочего класса. Г. Бриан не раз, и в частности в Вашингтоне, говорил о том, что он ждет не дождется, когда в России будет создано правительство, которое бы выражало национальную волю. Национальная воля на их условном языке, который мы считаем языком обмана трудящихся масс, означает правительство, искусственно сфабрикованное, при помощи давления сверху и гнета капитала под фикцией всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Но вот, товарищи, Дальневосточная Республика, что это такое? Это русский мужик и русские рабочие. Почему она Дальневосточная, а не Российская, почему она существует отдельно, а не с нами? Почему там нет советов? Кто там у власти? Коммунисты. На каких основах? На основах всеобщего избирательного права, демократии. Почему? Потому что дальневосточный мужик и рабочий сказали империалисту японскому, американскому, французскому: „Ты хочешь демократии, вот тебе демократия, я ее выбираю на основе всеобщего избирательного права. Ты обещаешь, что, если Россия будет демократической республикой, ты не тронешь ее,—вот тебе

Дальневосточная Республика, как фланг этой советской федерации". Что же эта демократия, дальневосточная, пользуется она независимостью, неприкосновенностью Может быть, громилы и бандиты всех наименований не рвут ее по частям, может быть, в мае этого года (в который уже раз), не был там произведен под руководством японских инструкторов военный переворот? Какое потрясающее разоблачение их насквозь лживого демократизма! Мы, товарищи, слишком мало распространили до сих пор воззвание народного собрания Дальневосточной Республики Я не могу его прочитать целиком, к сожалению, но слушайте, товарищи, крестьяне и рабочие делегаты, слушайте голос, который к нам доносится с Дальнего Востока, за 8—9 тысяч верст: „Уже 4-й год японский штык насилует волю русского народа. Япония начала высадку войск во Владивостоке. Теперь на 4-м году японской интервенции она фактически владеет всем русским побережьем Тихого океана. На русской территории устроены японские укрепления, окопы и проволочные заграждения. В русских речных водах заложены японские минные заграждения Устье нашей главной реки Амура не только закрыто для наших торговых пароходов, но превращено в базу враждебных военных сил, откуда на нас будут устраиваться нападения, откуда Япония будет расширять и продолжать свой захват.

„Захватив низовья Амура, Япония столь же насильственно захватила русский Сахалин. Там хозяйничают, как на своей территории, японцы, распродавая наши леса и наши рыбные и горные богатства. На остров Сахалин и в низовья Амура не может проникнуть ни один русский без разрешения японских властей".

В конце этого призыва наш Дальний Восток говорит: „Народ русского Дальнего Востока неоднократно поднимал свой голос протеста против зла и насилий, творимых Японией. До сих пор никто не откликнулся на наш протест". Конечно, речь идет о капиталистических государствах, о „великих демократиях", о тех, что собрались в Вашингтоне, куда нас не звали, но где без нас разрешали судьбы Тихого океана. Поглядите на карту. Тихий океан—это большая масса воды, на которой господствуют

военные корабли Соединенных Штатов, Японии и Англии и вот эти государства, вместе с Францией, заключили соглашение о Тихом океане. Но этот Тихий океан упирается в два берега, один—американский, другой—азиатский. И на этом азиатском берегу многие сотни верст побережья замыкают владения русских крестьян и рабочих. А в Вашингтоне решают вопрос без нас. Мало того, после заключения соглашения 4-х империалистических государств, банды, которые имеют отправным своим пунктом Владивосток, усилившись, направились на север, в сторону Хабаровска, взяли Хабаровск, важный пункт на Амуре, и пытаются продвинуться на запад. Кто их вооружает? Япония. Трое остальных допускают это, значит, толкают на это. До нас доносится с Дальнего Востока голос протеста, голос призыва. И, конечно, Всероссийский Съезд Советов не может оставить без внимания голос далеких братьев, которые сейчас, в те часы, когда мы с вами обсуждаем этот вопрос, грудью своей отстаивают за 8.000 верст восточный фланг Советской федерации. Ибо нет никакого сомнения в том, что Дальневосточная Республика есть только защитное образование, подсказанное государственным разумом дальневосточного трудового русского человека, который попытался таким путем задержать натиск восточного империализма.

Мы видим сейчас этот живой факт. Павший Хабаровск мы швыряем в лицо всей европейской лжедемократии. Мы швыряем его в лицо 2-му Интернационалу и говорим: вот ваш щит демократии,—он ничего не защитил. Может быть, вы прикажете нам и из Дальневосточной Республики удалить наши войска? Но горе в том, что их там слишком мало. Мы говорим, что если нашествие с востока на запад до сих пор не задержал демократический щит, то мы не сомневаемся в том, что месяцем раньше или позже это нашествие задержит красный штык (аплодисменты). Мы, товарищи, уступали не раз и, вероятно еще будем в нашей жизни не раз уступать. У нас есть терпение и выдержка. И поэтому через эти 8.000 верст мы отвечаем туда, на Дальний Восток, что, если мы не можем помочь так быстро и так решительно, как мы бы хотели, то помощь наша все

же придет! Мы призываем дальневосточных рабочих и крестьян помнить, что ни судьба Хабаровска, ни судьба Владивостока не решена этими Четырьмя раз и навсегда. Кроме Четырех, есть еще Пятый, и это—Советская Республика и ее Красная Армия. (Бурные аплодисменты).

Банды в Карелии.

И, наконец, последний наш опыт по части демократии и по части международного права нанесен на другой более скромной схеме, где изображена Карельская трудовая коммуна на запад от той границы, которую мы добровольно уступили Финляндии, приняв во внимание ее хозяйственные интересы и примирив их с нашими интересами. Направо от этой черты—Карельская трудовая коммуна. Это пространство земли в два раза больше, чем Бельгия, с редким разбросанным населением в 150.000 человек, рассеянных на огромном, нередко непроходимом пространстве. В этой Карельской трудовой коммуне господствуют Советы трудовых карел. Здесь, по эту сторону, под фикцией всеобщего избирательного права господствует иноземный капитал, через посредство своих агентов, в лице финляндской буржуазии. Во время мирных переговоров с Финляндией наша дипломатия в порядке информации сообщила, что Карелия получает автономию, как и все остальные части нашей многомиллионной федерации, которые этого пожелают. Но финляндский правящий класс недоволен классовым содержанием карельской автономии. Они предпочитают, они ставят выше свою форму государственного самоопределения. Мы это знали и тогда, когда подписывали с ними договор. Мы знали, что это договор между пролетариатом, организованным в свое государство, и между организованной в государство буржуазией, которая разбила свой пролетариат и задавила много и много тысяч рабочих. Мы это знали и подписали договор, зная заранее, что наша автономия будет отличаться от финляндской, как пролетариат и трудовое крестьянство отличаются от буржуазных эксплоататоров. В этом ведь и состоит мирный договор с Финляндией. И ничего неожиданного тут нет.

Но осенью этого года, когда на Поволжье обозначился страшный призрак голода, когда враг считал, что близок час падения Советской власти, тогда началась подготовка и по этой границе - осеннего натиска на нас. Они приурочивали его раньше к 28 августа, затем он был перенесен на сентябрь, затем на октябрь. И вот, товарищи, эти стрелы (показывает на карте)—это белофинские банды, направленные из Финляндии в Карелию. Их численность показана здесь совершенно точно, как и их направление. Эти банды стали переправляться 24 и 25 октября. Почти в один и тот же день, что и банды Тютюника-Палия, по одному и тому же плану.

У нас, в результате сокращения армии, в Карельской коммуне не оставалось совершенно войск. Мы ее очистили от единственной бригады, которая там была. Почему? У нас не было никакого основания сомневаться в том, что для утверждения внутреннего порядка там не нужно не только бригады, но и полка. Правда, мы просчитались в отношении нашего северо-западного соседа. Мы просчитались, и несомненно, как военное ведомство, должны нести за это ответственность. Мы не то, чтобы поверили фикции международного права,—конечно, не поверили,—но все же, при всем нашем недоверии к буржуазным фикциям, мы на этот раз придали букве договора слишком большое значение. Мы в этом повинны. Мы увели оттуда бригаду, оставив только слабые пограничные части, годные для борьбы с контрабандой, по никак не для военных операций. И вот 24, 25 и 26 октября начинается переброска сюда банд из Финляндии. Пространства необъятные, дороги непроходимые. Пока мы сосредоточиваем сюда необходимое количество войск, банды эти утверждаются в пограничном районе. Вся буржуазная Европа сообщает о том, что наши северные дороги перерезаны, что мы отрезаны от Мурманска, и. т. д., и. т. д. Ничего подобного! Банды до ж. д. не доходили ни разу. Они отделены от нее десятками верст. И что самое поучительное и дает ясное представление о них,—это то, что они боятся вообще подвигаться к востоку. Это не местные банды, как об этом лжет финляндская печать, и за ней иностранная печать, когда говорят о „восстании“ в Карелии. В Карелии восстания

нет, а есть вторгнувшиеся из-за финской границы бело-карельские, эмигрантские и белофинские банды, под руководством финских офицеров, в частности второй финской дивизии. Эти банды начали операции по соглашению с петлюровцами и савинковцами, через Виктора Савинкова, приезжавшего в Финляндию на предмет организации этих действий.

При этом финское правительство,—не поразительно ли?—обращается к Лиге Наций с жалобой, т.-е. с указанием на то, что в Советской Республике карельский народ имеет советское самоопределение. Лига Наций должна разрешить вопрос о самоопределении карел. Как себе это представляют финские политики, я не знаю. Разрешить вопрос о самоопределении трудового карельского народа иначе, чем он разрешен сейчас, можно только путем вооруженной силы. Это и пробуют сделать белые банды. Сила—есть аргумент. Против аргумента силы мы противопоставляем силу же. Но что должна сделать Лига Наций? В состав Лиги Наций входит Япония, входит Франция. С японским участником Лиги Наций нам приходится сейчас разговаривать где-то в районе Хабаровска. и там разговор наших красноармейских частей и партизанских отрядов ведется не на дипломатическом языке Лиги Наций. Имеется ли в виду военное вмешательство Лиги Наций здесь, в Карелии? Если это так, то это значит, что Финляндия заключает с каким-то третьим государством соглашение на предмет военного вторжения в наши пределы. Ибо дипломатическая интервенция есть только расчистка пути для интервенции военной. Хочет ли этого Финляндия—нам неясно. Нам неясно, в какой мере финляндское правительство отдает себе отчет в том, что происходит, находясь под толчками не только нашей белогвардейской эмигрантщины, но и крайних элементов финляндского шовинизма и особенно иностранного империализма. Похоже на то, что финляндское правительство просто плывет по течению. Сперва оно пыталось сопротивляться, потом начало попустительствовать и окончило открытой поддержкой белогвардейских банд. Мы получаем сообщения, что в таком то месте Финляндии формируется отряд, и мы через неделю—две регистрируем в таком-то

месте Карелии этот отряд. Финляндское правительство снабжает эти отряды необходимыми предметами воинского снаряжения. Наш главнокомандующий находится сейчас в районе Советской Карелии для того, чтобы посмотреть обстановку вблизи и дать необходимое направление тем операциям, которые там предстоят. Он сегодня утром сообщил мне следующее,—и я считаю возможным это опубликовать:

„Оценка настроения по волостям свидетельствует, что из всех 46 волостей бесспорно и активно на нашей стороне 26 волостей. В пассивном или неопределенном настроении—14 и таких, где белые встречают известное сочувствие—11“ (из 46).

Прошу помнить, что пространство огромное и дороги трудно проходимые, поэтому там много волостей, настроение которых еще не выяснено.

„Однако, эта цифра, 11 волостей, явно преувеличена. Явления бандитизма, по всем собранным сведениям, наблюдались лишь в 7 волостях (Тунгусская, Ребольская, Вокноволоцкая, Тихтозерская, Ухтинская, Поросозерская и Маслозерская).

„Наиболее ярким доказательством лойяльного отношения жителей к советской власти является тот факт, что уничтожение и порча населением наших проводов связи, никем не охраняемых на огромных пространствах, отмечены только в непосредственной пограничной полосе и то в единичном случае.

„Командный состав бандитских отрядов состоит либо из зарубежных финских элементов, офицеров финской армии, либо из тех местных элементов, которые служили в контр-революционной армии Миллера. Команда подается во многих отрядах на финском языке. Из 2 финской дивизии офицеры прибыли в Карелию.

„В перехваченных нами донесениях (например, подписанных финской фамилией Эккеля) приводятся статистические данные о числе дворов в деревнях, что свидетельствует о пришлом характере банд“.

Далее в донесении главнокомандующего идет прямое перечисление новых мелких банд, появившихся из-заграницы в последние дни, и указание на то, что во время

боя банды эти пользуются ракетами для установления связи между собой и со своими зарубежными штабами.

„Данные нашей зарубежной разведки о формировании в Финляндии того или другого отряда всегда подтверждаются появлением новой банды на нашей территории в соответственном пункте.

„Отмечена на бандах финская морская форма. Установлены патроны финского изготовления фабрики Рихимяки.

„Банды явно боятся оторваться от своей заграничной базы. Все заграничные сообщения о Мурманской ж. д., о ее разрушении и т. д.—плод фантазии. Дорога цела.

„Обрастания банд за счет местных жителей совершенно не наблюдается. Везде, где мы находимся в соприкосновении с противниками, как на Ругоозерском направлении, приходится констатировать уменьшение, а не обрастание банд. Прирост сил происходит из-за границы“.

В то же время Финляндия, в лице своих активистов, т.-е. крайних шовинистов, и в своей шовинистической печати все более и более разнуздывается. Так, в руководящих финских газетах вы изо дня в день теперь читаете, что Советская Россия представляет собой невыносимое соседство. Фразеологию насчет того, что мы, мол, являемся барьером против советского варварства, знают не только прощалыги парижских бульваров, но и журналисты Гельсингфорса. Они пишут, что Россия представляет собой для них—видете ли—невыносимое соседство! Что же вы прикажете нам делать, господа из Гельсингфорса? Мы не можем нашу страну перенести в другое место. Мы живем там, где мы живем, и мы останемся там, где мы стоим (бурные аплодисменты). Им не нравится самоопределение Карелии, и им не нравится самоопределение Петрограда,—величина, покрупнее Карелии и совсем поблизости от финляндской границы. Они предпочли бы буржуазное самоопределение Петрограда, как мы—и мы не скрываем от них этого, ибо это не секрет—предпочли бы пролетарское самоопределение Финляндии (бурные аплодисменты), и мы об этом открыто говорим в наших газетах. Но одно дело высказывать свое предпочтение в газете, а

другое дело направлять вот такие бандитские стрелки (показывает на карту). Таких стрелок мы в Финляндию не направляем, мы честно исполняем договор, к которому у нас душа совсем не лежит, но исполняем, ибо это диктуется государственным разумом.

Численный состав финляндской армии—35.000 человек. Финляндское население—я не знаю, правильно ли здесь вычтены убитые финляндской буржуазией рабочие,—насчитывает 3.300.000. В финляндской армии офицеры открыто бахвалились (и об этом говорит финляндская печать) тем, что Маннергейм,—вы его знаете,—пойдет скоро на Петроград. Пляска возле Петрограда происходила уже не раз, и финны принимали в ней кое-какое участие. Многие и многие из нас и во дни Юденича, и во дни Кронштадта, когда финляндские Маннергеймы пытались установить контакт с мятежными частями крепости и флота, наблюдали все это вблизи. Дьявольская пляска вокруг Петрограда происходила не раз, и с нас этой пляски довольно. Как мы не хотим больше терпеть вот этого выполнения Рижского договора, так мы не можем терпеть этой постоянной постыдной угрозы по адресу пролетарского Петрограда!

Товарищи, на Съезде Советов, где собрались делегаты рабочих и крестьян, я не должен говорить о том, насколько мы искренно и честно хотим мира, но мир требует очищения Карелии от банд, и мы советуем, очень и очень советуем Финляндии за эту черту (показывает по карте) не высовывать ни локтей, ни рук, потому что мы в ближайшие дни здесь пройдемся (продолж. апплосменты). Мы, с полным сознанием ответственности, советуем финским полководцам не торопиться мерить расстояние от Гельсингфорса до Петрограда, ибо, если придется мерить,—а мы этого не хотим,—то окажется, что путь от Петрограда до Гельсингфорса короче, чем путь от Гельсингфорса до Петрограда (продолж. аплодисменты).

Мы хотим мира.

После сказанного мною, мне нет необходимости доказывать Съезду Советов, что нам нужна сильная Красная армия именно потому, что мы хотим мира!

Вы приехали из разных концов, в том числе из голодающего Поволжья, и наши голодающие и умирающие волжские крестьянин и крестьянка и крестьянский ребенок, умирающий на глазах у родителей, не хотят завоевания чужих земель, это ясно без дальних слов. И нужно величайшее тупоумие иностранных империалистских газетчиков, враждебных нам министров, парламентских болтунов, чтобы предполагать, что мы, залечивая теперь свои ужасающие раны в страшной хозяйственной разрухе, ставим перед собою военные наступательные задачи, что мы готовимся порабощать кого-то и на кого-то нападать. Неправда, клевета, ложь!

Да, мы содержим еще армию в 1.300.000 с лишним. Это верно. А наше международное положение, а империалистское окружение? А размеры нашей страны? Если сравнить по населению, то наша армия в 2 с лишним раза меньше французской, а если сравнить по территории, то наша армия в 18 раз меньше французской. А мы ведь должны охранять свою территорию, ту, которая находится под нашими ногами. А опасность мирового положения? В чем опасность положения Франции? Об этом говорил Бриан в Вашингтоне. Опасность положения Франции состоит в том, что если рука ее ослабнет, то те, которых империалистская Франция душит, попытаются с земли встать на коленки и, может быть, даже на ноги. Вот в чем опасность для Франции. А если наша рука ослабеет, то нас пригнут к земле и, вероятно, задушат. Если измерить пространство, население и опасность, то нам нужно иметь армию в 100 раз большую, чем во Франции—и тогда мы еще не сочтемся. Наша армия есть самая оборонительная армия из всех армий мира. Разве мы это не доказали, разве мы это не доказываем каждый день? Разве вся наша политика не была напряженной борьбой за мир, ценой тягчайших уступок? А недавнее наше заявление о признании нами царских долгов? Да, вы это знаете, это весь мир знает, что мы—гордая и победоносная революция, вырвавшая власть, отстоявшая себя от неисчислимых врагов, что мы согласны, на известных условиях, признать,—будь они трижды прокляты,—старые царские долги. Мы это заявили. Из-за чего? Из благоговения перед тем, что ростовщики всего мира считают священными обязательствами? Ничего подобного! Это—не расплата за прошлое, которое не было **нашим** прошлым, но прошлым **против нас**,—нет, это откупная сумма на будущее. Мы говорим: если царские заимодавцы согласны в обмен на оплату нами царских долгов оставить нас в покое, дать нам возможность дышать, жить, работать, то мы готовы откупиться не ценою крови красноармейца, а ценою продукта наших трудов, ценою золота.

Сообщают, что английские и французские купцы и промышленники на бирже говорят: это еще не все; кроме государственных долгов, есть претензии обиженных частных предпринимателей. Тут принципиальной разницы для нас нет. Давайте разговаривать! Это наша дипломатия говорила не раз. Наша дипломатия самая терпеливая. Она привыкла к пропаганде и терпеливо, настойчиво, изо дня в день, когда ей предъявляют новые требования, говорит: давайте сядем за стол, обсудим и государственные и частные претензии. И, разумеется, нет для нас никакой принципиальной разницы между теми и другими, все дело в условиях,—только и всего. Такого рода заявления, которые делались нами не раз, означают наше стремление **откупиться от войны**. Рижский договор был такой же попыткой. А что такое на этой карте каждая из стрелок? Провокация на войну,—именно каждая в отдельности, ибо они не совпадают во времени. А чем мы отвечали? Истребляли каждую банду в отдельности и производили расплату по условиям Рижского договора в тех частях, где мы должны были ту или другую расплату произвести.

Про нас, конечно, нельзя сказать, что мы—непротивленцы, склонные подставлять то одну, то другую сторону под удар. Нет, мы революционеры и умеем бороться. Но в борьбе за мир мы проявляем величайшую выдержку

Однако не без конца, а только до известного предела. И, товарищи, есть опасность, что этот предел будет кое-кем перейден. С одной стороны, каждый день множатся телеграммы нашей печати о том, что признание Советской власти не за горами: вот соберутся в Лондоне или в Каннах, куда нас пригласят, и будут говорить твердо о признании Советской власти. Конечно, всюду, куда нас позовут вести переговоры об установлении мира, хотя бы и не того мира, который мы считаем справедливым и нужным, мы явимся и, надеюсь, договоримся. Но именно эта атмосфера надвигающейся перемены в международном положении заставляет всех наших заклятых врагов—белогвардейскую эмиграцию и крайних иностранных империалистов—сказать себе: куй железо, пока горячо, или пока вовсе не остыло. Последние месяцы—может быть, недели—остаются, и если сейчас нанести решающий удар Советской власти, то, может быть, и все переговоры сорвутся. В связи с этим развивается политика империалистических клик Польши и Румынии, где, к слову сказать, пост министра-президента занял вместо Авереску,—с которым у нас были свои счеты и который в 1918 году подписывал обязательство в двухмесячный срок вернуть нам Бессарабию,—занял Таке-Ионеску, вся политическая заслуга которого состояла в бешеном натравливании румынской буржуазии на Украину и на всю Советскую Федерацию. В этих условиях нужна двойная, десятерная бдительность.

Освободите Марти и Бадина!

Отмечу один эпизод, который показывает, как близость признания Советской власти переплетается с кровожадной ненавистью ко всему, что фактически ведет к сближению с Советской Россией. Вы помните дни, когда Бриан произносил свою речь в Вашингтоне, речь, исполненную ненависти против Советской Республики, где он изображал нас, как народ, который стремится порабощать другие народы, угрожает цивилизации и проч. В эти самые дни и часы пролетариат Парижа выбрал в парижский муниципалитет двух каторжан—

Марти и Бадина. Марти и Бадина—это два французских моряка. Они были на французских военных кораблях, которые действовали под Одессой на Черном море, и, когда был отдан приказ бомбардировать советскую Одессу, Марти и Бадина подали сигнал к мятежу, французские моряки отказались бомбардировать Одессу, и корабли были уведены. Эти герои были арестованы. Марти и Бадина не были расстреляны только потому, что весь французский трудовой народ был против войны с Советской Россией,—они были приговорены к многолетней каторге. В тот день, когда Бриан, мнимый представитель французского народа, на основе всеобщего избирательного права, клеветал на Советскую Республику в Вашингтоне, рабочие Парижа внесли поправку к речам Бриана, избрав в муниципалитет двух каторжан—наших друзей Марти и Бадина. По всей Франции прокатилась волна протеста с требованием свободы для Марти и Бадина. Чем ответило на это французское правительство, то самое, которое теперь как будто собирается с нами вести переговоры, и которое, стало быть, должно признать, что Марти и Бадина были правы, когда не хотели бомбардировать Одессу? Под видом помилования оно „освобождает“ моряков из каторжной тюрьмы и направляет их в Африку, в Бириби, в дисциплинарный батальон, где под жгучим солнцем погибли сотни и тысячи мятежных французских граждан. И мы, товарищи, здесь на Съезде Советов скажем: „Господа, французские буржуа, вы хотите с нами заключать соглашение? Что касается царских долгов и других претензий—мы готовы с вами вести переговоры—мы готовы потому, что вы еще существуете, но если вы хотите, чтобы русские рабочие и крестьяне поверили вам, что вы желаете действительно с нами заключать соглашение, а не терзать нас дальше, как терзали до сих пор,—дайте нам маленький задаток под будущую уплату вам царских долгов, верните нам Марти и Бадина! (Аплодисменты).

Наше революционное единство.

Правда, враждебная нам печать и враждебные нам политики говорят о том, что может быть Советское правительство действительно и склонно к миру, но есть в России военная партия (смех), которая имеет великие честолюбивые замыслы и которая хочет наступательных войн и порабощения других стран. Поистине, они нас рисуют по образу и подобию своему (смех). Мы знаем страну—и она находится от нас не за морями—в которой, когда министр иностранных дел подписывает договор, то глава страны и военной власти посылает в обмен на это банды. Такая страна есть. Мы говорим, что там наблюдается раздвоение воли правящих классов, и это самое опасное положение, потому что раздвоение воли приводит к некоординированным, т.-е. к неразумным и иногда бессмысленным действиям, а неразумные, некоординированные и неконтролируемые действия в международных отношениях приводят иногда к войнам там, где этого можно было бы вполне избежать при доброй воле и здравом смысле. Но, товарищи, если бы у нас, в нашей Советской Республике, которая за эти 4 года проделала столько перемен, которая боролась, лавировала и маневрировала, и на экономическом поле, и в области чистой политики, и на военном поле, и на поле дипломатии, — если бы в нашем советском государстве был бы намек, хотя бы маленький намек на раздвоение правительственной воли, намек на борьбу партии мирной и партии военной,—мы имели бы случай сто раз погибнуть за эти 4 года. То, что составляет нашу силу, товарищи-делегаты,—и да будет это известно всем журналистам и дипломатам, как присутствующим здесь, так и тем, которые отсутствуют,—это наше непоколебимое революционное единство (аплодисменты). Неправда,—ребяческое заблуждение или сознательная клевета,—будто у нас есть не то, что партия, а хотя бы группы или отдельные лица, которые хотят войны. Если бы это было, то мы бы сказали, что на них нужно надеть смирительную рубашку. Но таких людей у нас нет. Войны у нас никто не хочет. Это доказывает вся наша политика. И руководящая наша партия и Советская власть говорят, что все мы хотим мира, но этого мира нам не дают. И поэтому мы должны быть готовы к тому, что безответственные за свои действия группы и клики вне России могут опрокинуть на свой и на наш народ бедствия войны, несмотря на то, что можно было бы обеспечить все преимущества мира. У нас нет военной и мирной партии, но у нас есть деловое разделение труда. И я думаю, товарищи, что Красная армия не меньше хочет мира, чем вся страна,— та самая Красная армия, которая, если понадобится, будет драться и драться до конца (аплодисменты).

Наша агитация не будет состоять в призывах к наступлению. Этого не нужно русскому крестьянину и рабочему. Он правит своей страной. Этот государственник-крестьянин и рабочий, он стоит у руля в лице своих Советов. Что ему нужно? Призывы? Нет. Ему нужно ясно понять международную обстановку, понять то, что есть, чтобы знать, куда повернуть корабль. Вся наша пропаганда и агитация в армии будет состоять в том, чтобы нашим младшим братьям, сыновьям и внукам объяснить то, что есть. Вот эту карту, эту схему мы покажем не только командиру, но каждому рядовому красноармейцу, и эту вторую тоже, и в течение всей зимы будем объяснять Красной армии то, что есть. А что есть? Есть наша борьба за мир, с одной стороны, и есть неутомимая, нещадная провокация, с другой. Но мы не являемся ни в каком случае манекенами международного терпения. И мы ни в коем случае не согласны, чтобы провокаторы разных стран изощряли на нашем теле свою доблесть или свою наглость. Опасность в течение последних недель нарастала, а не уменьшалась, несмотря на вести об усиливающихся разговорах о нашем признании. Это мы скажем каждому командиру и комиссару, а комиссар и командир скажут это каждому красноармейцу. Мы будем следить и по данным нашей разведки и по передовым статьям польской, финляндской, французской и прочей печати, изо дня в день, насколько лихорадочно бьется пульс мирового империализма. И мы будем говорить нашему красноармейцу: готовься к худшему, ибо мы, коммунистическая партия, и весь мировой рабочий класс сегодня еще не можем обезопасить нашу страну от новых войн.

Этой зимой мы будем прилежно изучать военное дело и будем прилежно готовиться к весне и лету, ко всем тем опасностям, которые вырастают для нас из международной обстановки в ее неисчислимых противоречиях. Зимой мы более или менее ограждены от неожиданностей,— (кроме как со стороны Финляндии, так как финляндцы хорошо ходят на лыжах) (смех). Но за весной и весенней распутицей колесный путь открывает для нас—нельзя сказать, серию неожиданностей, потому что мы их отчасти ожидаем,— но тяжкие испытания новых кровавых поворотов истории. Это не исключено. Я не хотел бы, чтобы вы из моих слов представили себе опасность бо́льшую, чем она есть,—но горе нам, если мы представим себе опасность меньше, чем она есть. Лучше преувеличить опасность, чем недооценить ее. И мы войдем в весеннюю пору и в летнюю с нашим несокрушимым стремлением к миру, но вместе с тем войдем окрепшими, подтянувшись, обучившись, ничего не растеряв из опыта четырехлетней гражданской войны. И если последует удар против наших границ, нашей неприкосновенности и свободы, мы скажем: мы этого не хотели, расширяться мы не стремились, у нас слишком много работы под ногами, но раз вы этого хотели, тем хуже для вас. 1922 год это не 1918 и не 1919 г. В 1922 г. мы готовы сохранить нынешние советские пределы, но если нас заставят, мы докажем, что в 1922 году легче расширять советские пределы, чем их урезывать и сужать. (Бурные аплодисменты. Крики: „Ура!". „Да здравствует вождь Красной армии!". „Да здравствует Красная армия!". „Ура!").

РЕЗОЛЮЦИЯ О КРАСНОЙ АРМИИ И КРАСНОМ ФЛОТЕ.

Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов снова подтверждает готовность Советской Республики жить в мире со всеми народами земли. Новые передвижки государственных границ в ту или другую сторону не могут дать хлеба голодным и залечить раны мирового хозяйства. Только правильно поставленный труд, только правильно организованные обмен благ и услуг между всеми народами могут возродить хозяйство на более правильных основах братства и солидарности.

В этих условиях затевать новые войны, т.-е. новое истребление и опустошение во имя насилия одной нации над другой, значит вести человечество на путь окончательного обнищания, одичания и гибели.

Всероссийский Съезд Советов вполне и целиком одобряет все мероприятия и усилия рабоче-крестьянского правительства, направленные на то, чтобы оградить от новых войн первую социалистическую Республику, столь нуждающуюся в мире и труде.

9-й Всероссийский Съезд Советов одобряет проведенную, на основании постановления 8-го Всероссийского Съезда Советов, работу по сокращению армии, которая в настоящее время в 3 раза меньше, чем была год тому назад.

Уже сейчас Красная армия, если принять во внимание народонаселение в 2 слишком, а по территории в 18 раз меньше французской армии.

Съезд Советов с негодованием отвергает перед лицом народов, которых хотят обмануть, измышления капиталистических министров, дипломатов, журналистов, в первую очередь Франции, продолжающих в частности на Вашингтонской конференции, вопреки всей очевидности, утверждать, будто Советское правительство замышляет наступательные войны против своих соседей, в особенности против Польши. Вся политика Советского правительства, и прежде всего продолжающееся сокращение Красной

армии является неоспоримым опровержением своекорыстной и преступной лжи, при помощи которой еще непризванные к ответу виновники империалистической бойни пытаются снова зажечь пожар на востоке Европы.

9-й Съезд Советов считает в то же время своим долгом заявить трудящимся массам России и дружественных республик, что ни героические победы Красной армии, ни настойчивые и твердые усилия Советской дипломатии, ни возрастающее сопротивление трудящихся масс всего мира против новых войн, еще не дали до сих пор гарантий действительной неприкосновенности первой республики труда. Наиболее хищнические империалистические и авантюристические элементы буржуазии больших и малых государств, не находя выхода из противоречий экономического кризиса и империалистической борьбы, продолжают, рука об руку с русскими помещиками, капиталистами и эмигрантскими генералами, подготовлять новые и новые удары против государства рабочих и крестьян.

Уклонение румынского правительства от переговоров на основе действительного и полного отказа от новых военных покушений, активное стремление влиятельнейших групп и лиц в Польше сорвать мирные отношения с Советскими Республиками; постоянное выбрасывание на нашу территорию контр-революционных банд, при содействии влиятельнейших военных и политических кругов Польши и Румынии; вступление на этот же путь Финляндии, выбрасывающей на Советскую землю контр-революционные банды под видом карельского восстания; враждебные японско-белогвардейские военные операции на Дальнем Востоке, руководимые из Токио в то время, как в Вашингтоне обсуждаются программы соглашения и разоружения без участия России,—таковы яркие, бесспорные факты и события сегодняшнего дня, свидетельствующие, что непримиримая вражда буржуазии против Советской Республики продолжает находить свое выражение в открытых военных действиях, направленных против ее безопасности как на Западе, так и на Востоке.

В виду всех этих обстоятельств, Советское правительство, продолжая политику борьбы за мир, экономические соглашения и правильные международные отно-

шения, должно в то же время быть готово отразить вооруженной рукой всякое покушение на неприкосновенность и независимость Советской Федерации.

Сокращая Красную армию и тем облегчая для рабочих и крестьян несение навязанных нам войной тягот, Советское правительство и все органы Советской власти на местах обязаны приложить все усилия к тому, чтобы всемерно укрепить армию, улучшить ее материальное состояние, повысить ее общий политический и военный уровень и тем самым обеспечить за ней, при сокращенной численности, высокую боеспособность.

Всероссийский Съезд Советов заявляет о полной готовности трудящихся нести необходимые жертвы на содержание Красной армии и одобряет принятые и принимаемые правительством меры, направленные на улучшение продовольственного, квартирного, вещевого и санитарного положения красноармейцев, а также на повышение их денежных окладов.

Съезд Советов вменяет в обязанность правительственным органам принять меры к созданию для руководящего состава армии таких условий существования, которые облегчали бы командирам и коммиссарам выполнение их в высшей степени ответственной работы по обучению и воспитанию Красной армии

Всероссийский Съезд Советов признает безусловно правильным установление тесной духовной и материальной связи между местными органами Советской власти и расквартированными в их районе красными войсками. Съезд Советов призывает развить до конца систему приписки воинских частей к местным и центральным Советским органам, ожидая от этого самых благотворных последствий, как для укрепления связей Красной армии с трудящимися города и деревни, так и для повышения внутренней спайки и политической сознательности красноармейских частей и для всемерного облегчения условий их существования.

Техническое снабжение Красной армии, как одно из важнейших условий ее боеспособности, требует со стороны правительства в лице, прежде всего, хозяйственных органов напряженной заботы об упрочении и обеспечении

всеми необходимыми средствами и материалами предприятий военной промышленности.

Съезд подтверждает исключительную государственную важность дальнейшего улучшения постановки дела военно-учебных заведений и предлагает военному ведомству и правительству в целом сосредоточить на этом вопросе особое внимание.

Пересмотр уставов, програм, инструкций должен производиться систематически, в соответствии с опытом Красной армии и новыми назревшими потребностями, памятуя, что новые враги могут оказаться лучше организованными, обученными и вооруженными, чем те, над коими Красная армия одержала столько славных побед.

Признавая правильным и необходимым привлечение Красной армии к хозяйственной работе, прежде всего по обслуживанию нужд самой армии, Съезд Советов одобряет в то же время решения Совнаркома и СТО, направленные на то, чтобы хозяйственная работа Красной армии не могла развиваться за счет потребностей воинского обучения и воспитания, то-есть за счет боеспособности армии.

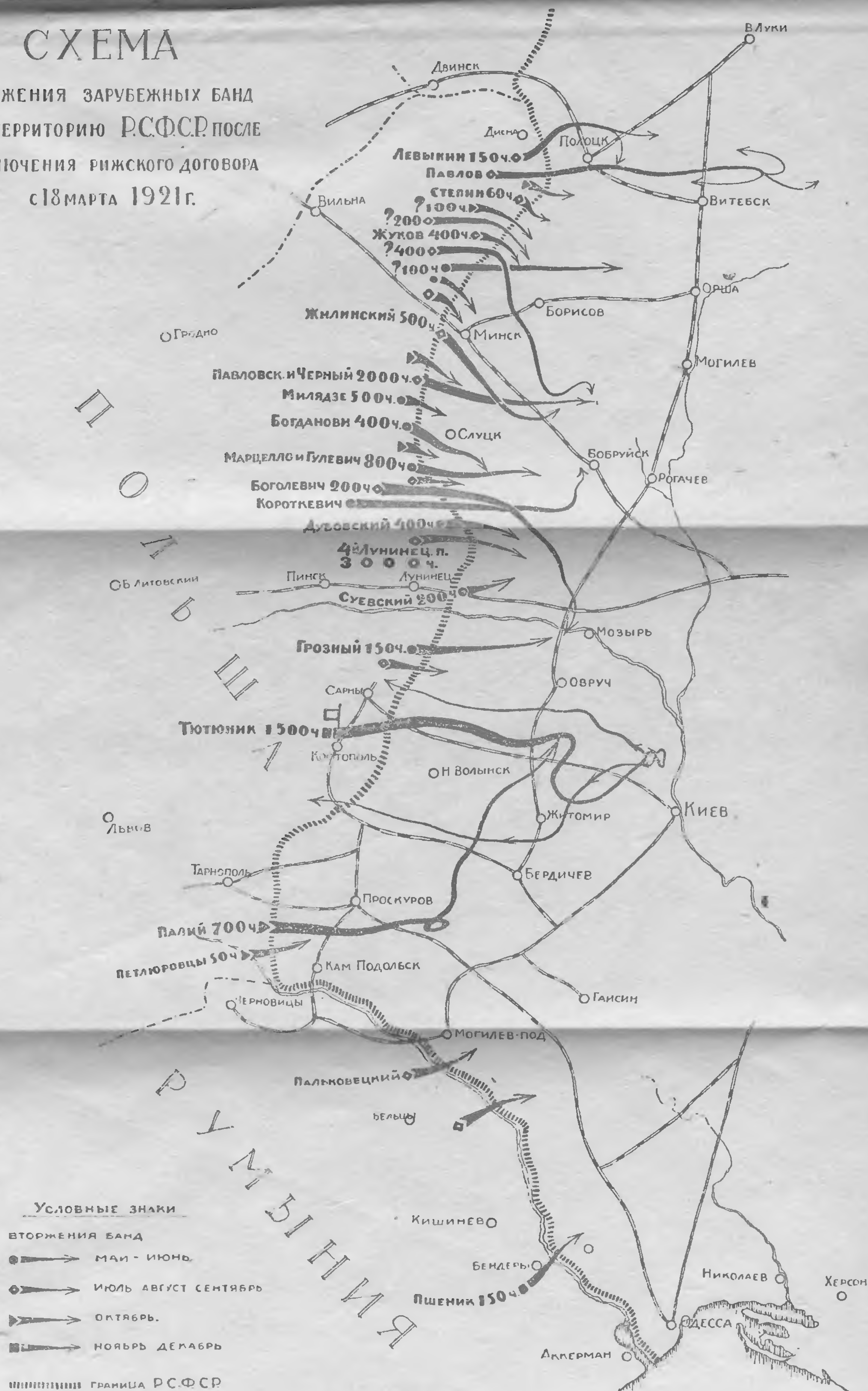
Всероссийский Съезд Советов признает подлежащими дальнейшему развитию меры военного ведомства, направленные к тому, чтобы ныне, в мирный период, установить в армии более правильные организованные взаимоотношения, более строгий учет воинского достояния, более бережливое и хозяйственное к нему отношение, повысить наряду с политическою сознательностью, хозяйственность, опрятность и точность как командного и комиссарского состава, так и каждого рядового бойца.

Изъятие в отношение воинской повинности в смысле не только освобождения, но и отсрочек, должны быть сведены к действительному и безусловному необходимому минимуму. Равенство в отношении воинской повинности должно быть проведено с наибольшей полнотой. Красная казарма, улучшаясь материально и повышаясь духовно, должна стать одной из важнейших школ не только воинского, но и гражданского воспитания рабоче-крестьянской молодежи.

Учитывая тяжкие удары, обрушенные вероломством русской и хищничеством иноземной контр-революции на военный флот, Съезд отмечает с удовлетворением усилия лучших военных моряков сохранить в нынешних трудных условиях живое ядро флота и выражает твердую уверенность в том, что начинающееся оздоровление хозяйственной жизни страны позволит Красному флоту выполнять свои обязанности по охране морских подступов к Социалистической Республике.

СХЕМА

ВТОРЖЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ БАНД НА ТЕРРИТОРИЮ Р.С.Ф.С.Р. ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РИЖСКОГО ДОГОВОРА с 18 марта 1921 г.

СХЕМА

ПЕРЕХОДА БАНД В КОРЕЛЬСКУЮ ТРУДОВУЮ КОММУНУ

